

Европейский университет в Санкт-Петербурге
Программа «Североведение»

Николай Вахтин

ЯЗЫКИ СИБИРИ И СЕВЕРА

Материалы к учебнику

Санкт-Петербург
2016

УДК 39(571)
ББК 63.5
В33

Ответственный редактор А. М. Пиир

В33 Вахтин Н. Б. Языки Сибири и Севера: Материалы к учебнику. СПб.: Нестор-история, 2016. — 48 с.
ISBN

Данная брошюра продолжает серию подготовительных материалов к учебнику «Введение в изучение Сибири и Севера». Учебник должен послужить основой изучения соответствующего курса в рамках магистерской программы «Североведение» (по направлению 46.04.03 Антропология и этнология), развернутой с осени 2015 года в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Отдельные части учебника публикуются по мере готовности в виде подготовительных материалов, которые могут использоваться как учебные пособия.

УДК 39(571)
ББК 63.5

© Европейский университет
в Санкт-Петербурге, 2016

Содержание

1. Вводные замечания	4
2. Генетические родство языков. Языковые группы	5
Языковые семьи Сибири и Севера	7
Статус языков	8
Численность говорящих	9
Степень сохранности языков	14
3. Многоязычие и языки-посредники	15
4. Пиджины и торговые языки в Сибири и на Севере	18
Старые пиджины	19
<i>Русско-китайский (кяхтинский) пиджин</i>	19
<i>Руссенорск</i>	22
« <i>Таймырская говорка</i> »	23
Новые языки данного типа	24
5. История письменности языков Сибири и Севера	26
Старые системы письма (Южная Сибирь и Приморье)	26
Автохтонные системы письма	27
<i>Юкагирское письмо</i>	27
<i>Чукотское идеографическое письмо</i>	28
6. Коренные малочисленные народы Севера: языки и письменность	29
Немного истории	29
Школьное образование и языковая политика	31
Современная языковая ситуация	32
7. Особенности русского языка в Сибири и на Севере	36
«Сибирский говор» и «Поморьска говоря»	39
Литература	43

1. Вводные замечания

Проблема картографирования языков. Если говорить не о государственных или официальных (то есть письменных) языках, то приходится признать, что попытки нанести на карту языки, распространенные на данной территории, наталкиваются на серьезные трудности. С государственными или официальными языками все более или менее понятно; они жестко привязаны к территории, и картографировать их просто: якутский язык — государственный язык Якутии, бурятский язык — государственный язык Бурятии, чукотский — официальный язык все той же Якутии, селькупский — официальный язык Ямало-Ненецкого округа, и т.п.¹ Однако с языками, не имеющими такого статуса, все не так просто.

Во-первых, не всегда ясно, где проходят границы между разными языками, а где — между разными вариантами одного языка. Корякский, чавчувенский, алыторский и нымыланский — это диалекты одного языка или несколько языков? Языки хантайских, ангарских и нерчинских эвенков — это варианты одного языка или разные языки? Нанайский, ульчский и ороцкий — это разные языки или варианты одного языка? Подобные вопросы можно задавать бесконечно.

Во-вторых, языки перемещаются вместе со своими носителями, и где именно в Сибири и на Севере окажется завтра «распространен» ненецкий, таджикский или аварский язык, сказать сложно. Простой пример: считалось, что в СССР примерно 130 языков. В Российской Федерации, которая по территории существенно меньше, чем СССР, насчитывают как минимум столько же, а часто и больше: от 150 до 174 языков. Не исключено, что, например, в Москве и Московской области удастся обнаружить столько же языков. Мы видим, что языки ведут себя не так, как «географические объекты» — реки, города, горы: с уменьшением территории их число не уменьшается. Это означает, что карта языков — не реальная географическая карта распространения языков, а скорее некоторое графическое изображение наших представлений о том, где *должны находиться* носители того или иного языка (см. под-

¹ См. статью «Государственные и официальные языки в субъектах Российской Федерации» в Википедии.

робно: Вахтин 2010). (Это, впрочем, касается не только языков, но и людей — см.: Fondahl 1989.)

Иначе говоря, языковая карта не «фиксирует реальность», а *конструирует* ее.

Проблема списка языков. Какие языки относить к «языкам Сибири и Севера»? Традиционно имеют в виду исключительно языки коренных малочисленных народов, населяющих эти территории. Однако это неточно по двум причинам. Во-первых, в Сибири и на Севере распространены не только языки *малочисленных* народов, но и такие языки, как якутский, бурятский, тувинский. Во-вторых, на *современном* Севере и в *современной* Сибири многие из языков коренного населения либо полностью утрачены, либо используются очень ограниченно (см. ниже), зато широко распространились языки, на которых прежде в этих регионах не говорили: русский, немецкий, польский, украинский, финский, эстонский, китайский, таджикский, узбекский, аварский, татарский...

Однако было бы странно называть эстонский, китайский, таджикский или аварский «языками Сибири и Севера» — хотя эти языки в этом регионе, несомненно, присутствуют. Поэтому в данном разделе речь идет не обо всех языках, носителей которых можно встретить в Сибири и на Севере, а **лишь о тех, большинство** (или хотя бы заметная часть) **носителей которых живет в данном регионе.**

В 2010 году в Красноярском крае 37 569 чел. указали владение немецким; на Сахалине 6 650 чел. — владение корейским; в Чукотском округе 311 чел. — владение ивритом; в Тюменской области 43 494 чел. — владение немецким, 12 656 — узбекским, 3 355 — турецким; в Ямало-Ненецком АО 29 640 чел. указали владение украинским, 3 974 — башкирским, 1 387 — чеченским, 873 — армянским. Указали владение английским 7 574 303 чел. на всю Российскую Федерацию, какая-то часть этих людей живет в Сибири и на Севере (Перепись 2010).

2. Генетические родство языков. Языковые группы

Понятие языкового родства — основное понятие сравнительно-исторического языкознания. Это строгое понятие: два языка являются родственными, если они восходят к единому языку-предку (праязыку); язык А считается предком языка Б, если подавляю-

щее большинство фонем языка Б может быть регулярно возведено к фонемам языка А, и если хотя бы часть корней языка Б, относящихся к базовой лексике, выводятся из корней языка А с использованием регулярных фонетических соответствий.

Установление языкового родства — сложная и трудоемкая процедура, позволяющая при современном уровне знаний более или менее надежно восстановить облик праязыков на глубину порядка 6–7 тыс. лет; максимальная глубина метода — до 15 тыс. лет.

Установив праязык, ученые тем самым получают возможность «объединить» в общую группу все восходящие к нему современные языки. Так, современные русский, польский, болгарский, сербский и др. восходят к так называемому праславянскому языку (порядка 1,5 тыс. лет назад); немецкий, голландский, английский, шведский и др. восходят к прагерманскому (порядка 2–2,5 тыс. лет назад). С помощью этого метода в настоящее время восстановлены *языковые семьи* разных уровней: наиболее близкие нам по времени — славянская, германская, романская; более удаленные — балтославянская; еще более удаленные — праиндоевропейская (порядка 4,5 тыс. лет назад), и далее — нострагическая, синокавказская, афроазиатская языковые семьи (порядка 10–12 тыс. лет назад).

«Базовая» и «культурная» лексика

Любой язык постоянно меняется; в частности, меняется его лексика. Американский лингвист Морис Сводеш в середине XX века предположил, что эти изменения происходят с некоторой постоянной скоростью. При этом слова разных типов меняются с разной скоростью: наиболее устойчивой оказывается так называемая *базовая лексика*. Сюда относятся слова, обозначающие части тела ('голова', 'глаз', 'ухо', 'нос', 'рот', 'рука', 'нога' и др.), природные явления ('солнце', 'луна', 'ветер', 'вода', 'огонь', 'земля' и др.), конкретные и естественные признаки и действия ('большой', 'маленький', 'длинный', 'короткий', 'есть', 'пить', 'спать', 'сидеть', 'стоять' и т.д.), числительные 'один' и 'два', личные и вопросительные местоимения ('я', 'ты', 'кто', 'что') и некоторые другие слова. Обычно лингвисты оперируют 100-словным списком базовой лексики. Эти слова наиболее устойчивы к изменениям и почти не заимствуются, в отличие от *культурной лексики* — названий предметов, действий, явлений, понятий и чувств, которые, как правило, заимствуются очень легко. В результате исследований Сводеш пришел к выводу, что в среднем из 100 слов базовой лексики за 1000 лет в языке заменяется примерно 14 слов. Это позволяет, сравнивая списки базовой лексики родственных языков, приблизительно подсчитать время их расхождения (см.: Сводеш 1960; Старостин 2013).

Языковые семьи Сибири и Севера

Многообразие языков, распространенных в Сибири и на Севере, относятся к следующим языковым семьям.

Таблица 1

Языки и языковые семьи Севера и Сибири

Языковая семья	Языки
Тюркские языки	кумандинский, теленгитский, телеутский, тофаларский, тубаларский, тувинский, тувинско-тождинский, челканский, чулымский, шорский, якутский
Монгольские языки	бурятский, сойотский (в прошлом носители говорили на самодийском языке, потом на тюркском, сегодня — на бурятском)
Уральские языки	<u>Финно-угорские языки</u> <i>прибалтийско-финская группа</i> северные: финский, ижорский, карельский и вепсский южные: эстонский, водский, ливский <i>волжская группа</i> : мокшанский, эрзянский, марийский <i>пермская группа</i> : удмуртский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, коми-язьвинский <i>угорская группа</i> : хантыйские и мансийские языки <i>саамская группа</i> : язык Кольских саами <u>Самодийские языки</u> <i>северная группа</i> : ненецкий, нганасанский, энецкий <i>южная группа</i> : селькупский
Тунгусо-маньчжурские языки	маньчжурский, нанайский, негидальский, ороцкий, орокский, ульчский, удэгейский, эвенкийский, эвенский
Чукотско-камчатские языки	керекский, корякский, чукотский; ительменский
Эскимосские языки	чаплинский, науканский, старосиренинский
Алеутские языки	беринговский и медновский
Языки-изоляты ¹	кетский, нивхский, юкагирский

² *Изоляты* — это языки, установить родство которых пока не удается. Существуют убедительные попытки сближения кетского языка с синокавказскими, чуть менее убедительные — юкагирского с уральскими, еще менее надежные — нивхского с юкагирским.

Эти языки неравноценны — ни по статусу, ни по численности говорящих на них, ни по степени их сохранности³.

Статус языков

Согласно Конституции Российской Федерации, *государственным* языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Одновременно республики в составе РФ вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (статья 68 Конституции РФ).

Следующие «северные» республики воспользовались этим правом: Республика Алтай наделила статусом второго государственного *алтайский* язык; Республика Бурятия — *бурятский* язык; Республика Коми — *коми* язык; Республика Тыва — *тувинский* язык; Республика Саха (Якутия) — *якутский* язык.

Кроме того, ряд языков Сибири и Севера наделен статусом *официальных*; эти нормы записаны в законодательных документах республик, краев и областей.

Агинский Бурятский округ Забайкальского края признает официальным наряду с русским бурятский язык.

Республика Карелия признает вепсский и карельский как языки, которые могут использоваться органами местного самоуправления.

Ханты-Мансийский АО позволяет использовать хантыйский, мансийский и ненецкий языки в официальном делопроизводстве.

В *Ненецком АО* ненецкий язык признается официальным в местах проживания ненцев.

В *Ямало-Ненецком АО* ненецкий, хантыйский и селькупский языки могут использоваться в официальном делопроизводстве в местах традиционного проживания этих групп.

³ Повторим, что мы не включаем в таблицу языки, большинство носителей которых живут в других регионах. Однако мы включаем в таблицу *все* языки, относящиеся к той или иной группе, в том числе и те, носители которых не живут в Сибири и на Севере (например, волжские или прибалтийско-финские). Не относящиеся к нашему региону языки даны в скобках. Более подробные сведения см. в статье «Языки России» в Википедии.

В *Республике Саха (Якутия)* местными официальными языками, которые используются наравне с государственными русским и якутским, признаются чукотский, эвенкийский, эвенский, юкагирский и долганский.

Численность говорящих

В таблице 2 приведены данные о языках народов Севера и Сибири и о численности говорящих на них людей согласно данным Всероссийской переписи 2010 года.

Отметим, что данными этой таблицы сложно пользоваться по двум причинам.

Во-первых, перепись фиксирует владение многими языками не только у представителей соответствующей группы, но и у других. Так, владеют юкагирским языком 311 юкагиров и 34 эвена; эвенским — 4911 эвенов, 219 эвенков и 57 чукчей; чукотским — 4563 чукчей, 56 чуванцев, 100 эвенов, 67 эскимосов, 29 юкагиров, 20 коряков и 4 эвена... Владение бурятским языком показали 3322 сойота, 249 эвена, 5 нанайцев, 2 камчадала, 2 нивха. Владение языком коми — 803 ненца, 123 ханта, 34 саама, 2 селькупа... Иначе говоря, из того что, например, численность карел — 60 815 чел., а карельским языком владеет 25 605 чел., не следует, что 42 % карел владеют родным языком.

Это соотношение можно определить при сравнении второй колонки левой части таблицы (сколько всего человек указало, что владеет данным языком) и третьей колонки (сколько из них людей той же национальности).

Вторая причина, почему цифры в таблице не столь информативны, как хотелось бы, состоит в нечеткости понятия «родной язык» (пункт 9.3. переписного листа). Как пишет В. И. Беликов,

«[п]ожалуй, наиболее неприятным термином отечественной социолингвистики является *родной язык*: так называют и первый усвоенный в детстве язык, независимо от того, насколько владение им сохранилось с возрастом, и основное средство общения, и язык, омонимичный названию этноса, который может обладать символической ценностью даже для тех, кто им совершенно не владеет» (Беликов 1999: 566).

Языки народов Сибири и Севера

По численности группы			
Язык	Данные переписи 2010 года		
	Численность группы	Всего указали владение языком	Из них к данной группе относятся
якутский	478 085	450 140	445 212
бурятский	461 389	218 557	361 307
тувинский	263 934	253 673	259 638
коми-зырянский	228 235	156 099	135 819
алтайцы ⁴	74 238	55 720	62 005
карельский	60 815	25 605	16 290
ненецкий	44 640	21 926	19 567
эвенкийский	37 843	4 802	4 310
хантыйский	30 943	9 584	8 865
эвенский	22 383	5 656	4 911
чукотский	15 908	5 095	4 563
шорский	12 888	2 839	2 626
мансийский	12 269	938	834
нанайский	12 003	1 347	797
корякский	7 953	1 665	1 460
долганы	7 885	1 054	930
вепсский	5 936	3 613	2362
нивхский	4 652	198	183
теленгитский	3 712	?	?
селькупский	3 649	1 023	945

По алфавиту языков		
Язык	Данные переписи 2010 года	
	Численность группы	Всего указали владение языком
алеутский	482	45
алтайцы ⁴	74 238	55 720
бурятский	461 389	218 557
вепсский	5 936	3 613
долганы	7 885	1 054
ижорский	266	123
ительменский	3193	82
карельский	60 815	25 605
керекский	4	10
кетский	1 219	213
коми-зырянский	228 235	156 099
корякский	7 953	1 665
кумандинский	2 892	738
мансийский	12 269	938
нанайский	12 003	1 347
нганасанский	862	125
негидальский	513	74
ненецкий	44 640	21 926
нивхский	4 652	198
орокский (уйльга)	295	47

⁴ Перепись включает в эту группу следующие подгруппы: алмат, алтай, алтай-кижи, джунгары, иркит, казах кыпчак, кёбёк, кюзен, майман, мерет, меркит, модор, мундус, найман, ойрат, ойроты, сагал, сойон, танды, тёлёс, тогус, тодош, тумат, чапты.

По численности группы			
Язык	Данные переписи 2010 года		
	Численность группы	Всего указали владение языком	Из них к данной группе относятся
сойотский	3 608	?	?
ительменский	3193	82	56
кумандинский	2 892	738	522
ульчский	2 765	154	142
телеутский	2 643	975	938
тубаларский	1 965	229	211
тувинско-тождинский	1 858	?	?
саамский	1 771	353	299
эскимосский	1 738	508	456
юкагирский	1 603	370	311
удэгейский	1 496	103	82
кетский	1 219	213	199
челканский	1 181	310	287
чуванский	1 002	?	?
нганасанский	862	125	93
тофаларский	762	93	87
орочский	596	8	3
негидальский	513	74	19
алеутский	482	45	19
чулымский	355	44	17
орокский (уйльга)	295	47	10
ижорский	266	123	68
энецкий	227	43	36
керекский	4	10	?

По алфавиту языков		
Язык	Данные переписи 2010 года	
	Численность группы	Всего указали владение языком
орочский	596	8
саамский	1 771	353
селькупский	3 649	1 023
сойотский	3 608	?
теленгитский	3 712	?
телеутский	2 643	975
тофаларский	762	93
тубаларский	1 965	229
тувинский	263 934	253 673
тувинско-тождинский	1 858	?
удэгейский	1 496	103
ульчский	2 765	154
хантыйский	30 943	9 584
челканский	1 181	310
чуванский	1 002	?
чукотский	15 908	5 095
чулымский	355	44
шорский	12 888	2 839
эвенкийский	37 843	4 802
эвенский	22 383	5 656
энецкий	227	43
эскимосский	1 738	508
юкагирский	1 603	370
якутский	478 085	450 140

Чуть выше В. И. Беликов пишет:

«Ср. следующую довольно абсурдную закономерность: вымирающий язык в городской местности служит родным для большей части соответствующего народа, чем в сельской. На 1989 г. это “правило” справедливо для всех восьми народов Севера, среди которых в сельской местности менее 30 % считали родным свой этнический язык: сельские ороки 18,5 %, городские — 49,3 %; сельские удэгейцы 18,5 %, городские — 33,9 %; сельские алеуты 20,5 %, городские — 33,8 %; у ительмен, орочей, чуванцев, негидальцев и нивхов разница выражена меньше» (Беликов 1999: 565, сн. 11).

В другой работе на ту же тему В. И. Беликов, говоря о нечеткости понятия «родной язык» и связанных с этим ошибках и противоречиях переписи 1989 года, показывает, что даже тщательно подсчитанные цифры иногда дают абсурдный результат: для народов Севера, как правило, «чем дальше от мест компактного проживания, тем, по переписной статистике, лучше знание этнического языка и хуже знание русского» (Беликов 1997: 22). Иными словами, северяне-горожане, живущие в русскоязычной среде, чаще указывают на владение своим этническим языком, чем северяне, живущие в небольших поселках в своей языковой среде. Дело здесь, конечно, в том, что люди, оказавшиеся вдали от родных мест в иноэтническом окружении, начинают испытывать трудности с этнической самоидентификацией, ощущают недостаток «доказательств» своей принадлежности к группе (так называемых этнических идентификаторов) и выбирают в качестве такого «доказательства» родной язык (см. подробнее: Вахтин 2001: 79–80).

Степень сохранности языков

Среди языков, перечисленных в таблице 2, есть такие, существованию которых ничто не угрожает. Это прежде всего языки, на которых говорят сотни тысяч человек: якутский, бурятский, тувинский, коми. Вместе с тем, есть такие, на которых уже практически никто не говорит или говорят единицы: алеутский, керекский, ижорский, орочский...

Оценить реальное число говорящих на том или ином языке довольно трудно, отчасти — по указанной выше причине. Отвечая на вопросы переписи, человек может утверждать, что владеет тем или иным языком, но мотивы этого утверждения могут быть разными: это может быть правдой (он действительно говорит на этом языке), это может быть выражением потребности в этническом идентификаторе и т.п. (см.: Вахтин 2001). Так, из строки таблицы 2 в отношении энецкого языка следует, что 227 человек, отвечая на вопрос переписи, назвали себя энцами; из них 36 человек ответили, что их родным языком является ненецкий; и еще 7 человек, не относящих себя к энцам, сказали, что владеют энецким. Однако эти цифры ничего не говорят нам о том, сколько человек действительно свободно владеет энецким языком (см. подробнее Раздел 6 ниже).

3. Многоязычие и языки-посредники

Существует распространенное мнение, что нормой является ситуация, когда каждый человек свободно владеет только одним, «родным», языком — и, соответственно, каждый народ одноязычен. Это мнение ошибочно: оно противоречит фактам.

В масштабах Земли одноязычие встречается существенно реже, чем дву- или многоязычие. По подсчетам Дэвида Кристала, примерно две трети детей мира рождаются и живут в двуязычном окружении и естественным образом, с детства, свободно говорят на двух (и более) языках (Кристал 2001: 35–36; см. также: Вахтин, Головки 2004: 40 и сл.). В этом отношении и Сибирь, и Север как в далеком прошлом, так и на протяжении всего XX века убедительно подтверждали это положение: постоянное население этих территорий, как правило, говорило более чем на одном языке.

Обычно ситуация была такова: группа говорила на собственном языке, на языке соседней группы и на некотором третьем языке, который служил группе языком-посредником при общении с теми, кто не знал первых двух языков. Например, в Северо-Восточной Якутии до конца XX века существовали поселки, жители которых с детства владели тремя-четырьмя языками. К таким поселкам относится, например, поселок Андрушкино: по данным

Из полевого дневника 1993 года

«Бытовой язык поселка Андриюшкино — якутский: все дети, которых я спрашивал, утверждают, что говорят между собой по-якутски, хотя многие (особенно девочки) легко переходят на русский язык. В школе кроме якутского языка и литературы все преподается по-русски. Похоже, что это все же не якутский язык, а некий *lingua franca*: по-русски у детей значительно богаче словарь, но болтают между собой на уровне бытовых реплик по-якутски. Дети постоянно поправляют друг друга и сами себя, когда говорят по-якутски. По-русски говорят свободно, в голову не приходит поправлять».

полевого исследования 1993 года, там жили (и до сих пор живут) юкагиры, эвены, чукчи, якуты и русские (численность эвенов — 353 чел. (36 %), якутов — 295 (30 %), юкагиров — 176 (18 %), чукчей — 29 (3 %), прочих — 47 (5 %)); при этом большинство пожилых жителей способно было общаться на любом из этих языков. Так, способных говорить на *пяти* языках в поселке было 18 чел. (средний возраст 64 года), на *четырёх* языках (без чукотского) — 33 чел. (средний возраст 32 года), на *трех* (без чукотского и эвенского) — 8 чел. (средний возраст 16 лет). В школе все юкагирские дети (59 чел.) изучали юкагирский, якутский и русский; все эвенские дети (86 чел.) — эвенский, якутский и русский, все остальные (71 чел.) — якутский и русский.

Что касается **языков-посредников** (*lingua franca*), то их в Сибири и на Севере было много. Так, во второй половине XIX века на Чукотке и в Восточной Якутии языком-посредником был чукотский.

В Центральной Якутии в качестве языка-посредника утвердился якутский, на котором говорили все, включая живших там русских. В Западной Якутии и на востоке Таймыра таким языком-посредником был долганский. На севере Западной Сибири языком посредником был ненецкий, им владели как ненцы, так и жившие в регионе коми и ханты.

Вот как описывает чукотскую ситуацию В. Г. Богораз в своей классической книге:

«*Лингва франка* (от итал. *lingua franca* — франкский язык) — тип языка, используемый в качестве средства общения между носителями разных языков в ограниченных сферах социальных контактов. <...> В социолингвистическом понимании — любое устное вспомогательное средство межэтнического общения; им может быть язык одного из народов данного региона, нейтральный язык, не родной ни для одной из использующих его этнических групп, пиджин на базе местного или европейского языка» (В. А. Виноградов. ЛЭС: <<http://tapemark.narod.ru/les/267c.html>>).

«Чукчи мало поддаются ассимиляции; если они входят в сношение с другими племенами, то не усваивают их языка, а вынуждают их учиться чукотскому языку. Основная причина этого та, что чукчи — самые богатые оленеводы в стране и прочие племена зависимы от них в отношении средств жизни. Поэтому соседи чукоч вынуждены изыскивать способы легкого сообщения с ними. Приморские чукчи, непосредственные соседи эскимосов, плохо знают их [эскимосов. — Н.В.] язык, между тем как все эскимосские мужчины и большинство женщин говорят по-чукотски так же свободно, как на своем собственном языке. Равным образом чукотские семьи, живущие на Анадыре, недалеко от обрусевшего селения Маркова, не знают русского языка, между тем как все мужчины в Маркове свободно говорят по-чукотски» (Богораз 1934б: гл. 1, раздел «Соседние племена»).

В пограничных областях были распространены и другие языки: на западе — норвежский, на юго-востоке — китайский, на северо-востоке — английский. Вот еще цитата из упомянутой книги В.Г. Богораза:

«Приморские чукчи находились вне всякой сферы русского влияния. Вместо того на Тихоокеанском берегу, особенно

«Пиджины возникают в условиях так называемых “экстремальных” языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чем-то, нет общего языка. Говорящие на разных языках люди прибегают к внеязыковым формам коммуникации (жесты, мимика), при этом они используют и отдельные слова своих родных языков. Если ситуация общения повторяется и если в ней участвуют одни и те же люди, вырабатывается звуковой язык: появляются слова, понятные всем участникам контакта, а также набор правил для связи этих слов. Важно, что целью обеих контактирующих групп является не изучение языка друг друга, а установление взаимопонимания. Таким образом, пиджин — это редуцированный язык, не имеющий коллектива собственных носителей. Чаще всего он не воспринимается как “язык” даже самими говорящими, а описывается как “ломанный”, “испорченный”, “искаженный” язык. Пиджин служит вспомогательным средством коммуникации. Типичная ситуация возникновения пиджина — обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда» (Перехвальская 2008: 17).

в эскимосских поселках, до некоторой степени чувствовалось влияние американцев. <...> После полувековых торговых сношений с американскими китоловами многие молодые люди стали говорить по-английски. Они восприняли американский счет, календарь, употребление часов и даже судового компаса. <...> Когда я был в поселке Ungazik, некоторые из моих молодых друзей выражали горячее желание научиться читать и писать. Один из них, по имени Selqar, успел самоучкой, по газетным клочкам, усвоить латинский алфавит. Он написал мне письмо по-английски крупными печатными буквами, с варварским правописанием, но все-таки слова и смысл я разобрал: I WLTL YUO ALASNEIT ME SAM POORESSEB MENO KEROT NETO ME-RIKAN MAN NO COOD MAI POOI CEREI AIN PEIEB E LIKM ROOSEN MAW GOOD MAN SOOVBOSE EKUTM MAI POOI PEIEB MEI VELL GOOD. “Я вам скажу, прошлого ночью мой пришел на судно, мой не получил ничего. Американский человек — нехороший, мой мальчик плакал (просил трубку), он хотел ее, русский человек — хороший человек, быть может, он даст ему, моему мальчику, трубку, мой чувствует хорош” <...> из этого письма видно, что молодые эскимосы говорили только на ломаном жаргоне, в том же виде, как на Аляске говорили по-английски эскимосы и индейцы» (Богораз 1934б: гл. 3, раздел «Американское влияние»).

Постоянное многоязычие, необходимость общаться с людьми, языков которых не знаешь (особенно при торговых отношениях) приводили к появлению всякого рода «жаргонов», как называли их раньше, или, по современной терминологии, пиджинов и смешанных языков.

4. Пиджины и торговые языки в Сибири и на Севере

На интересующей нас территории известно всего несколько пиджинов на русской основе (см. подробно: Перехвальская 2008); для сравнения: только пиджинов на основе английского языка в мире насчитывается более двадцати, а есть еще пиджины на базе

португальского, испанского, французского... Условно эти пиджины можно разделить на две группы: старые, существовавшие в XVIII, XIX, начале XX века, и новые, появившиеся в последние 20 лет. Как отмечает Е. В. Перехвальская, многие пиджины на русской основе, упомянутые в старых публикациях, мемуарах, художественной литературе и оттуда попавшие в справочники (эскимосско-русский, корякско-русский, аляскинский, транстундровый христианский русский и др.), известны в лучшем случае только по названиям: мы ничего не знаем ни об их строе, ни об иных лингвистических особенностях (Перехвальская 2008: 81). Другие пиджины (прежде всего, русско-китайский) описаны довольно подробно.

Старые пиджины

Русско-китайский (кяхтинский) пиджин. Первые упоминания о том, что на границе с Китаем появился особый «торговый язык», относятся к 1824 году. В последующие десятилетия выходят публикации с примерами из этого языка; известно, что китайским купцам, торговавшим с Россией, было вменено в обязанность изучение этого языка, существовали разговорники и словари, где слова русского пиджина записывались китайскими иероглифами (Перехвальская 2008: 102–103). Вот пример из такого старого разговорника (слова даны в латинской транскрипции):

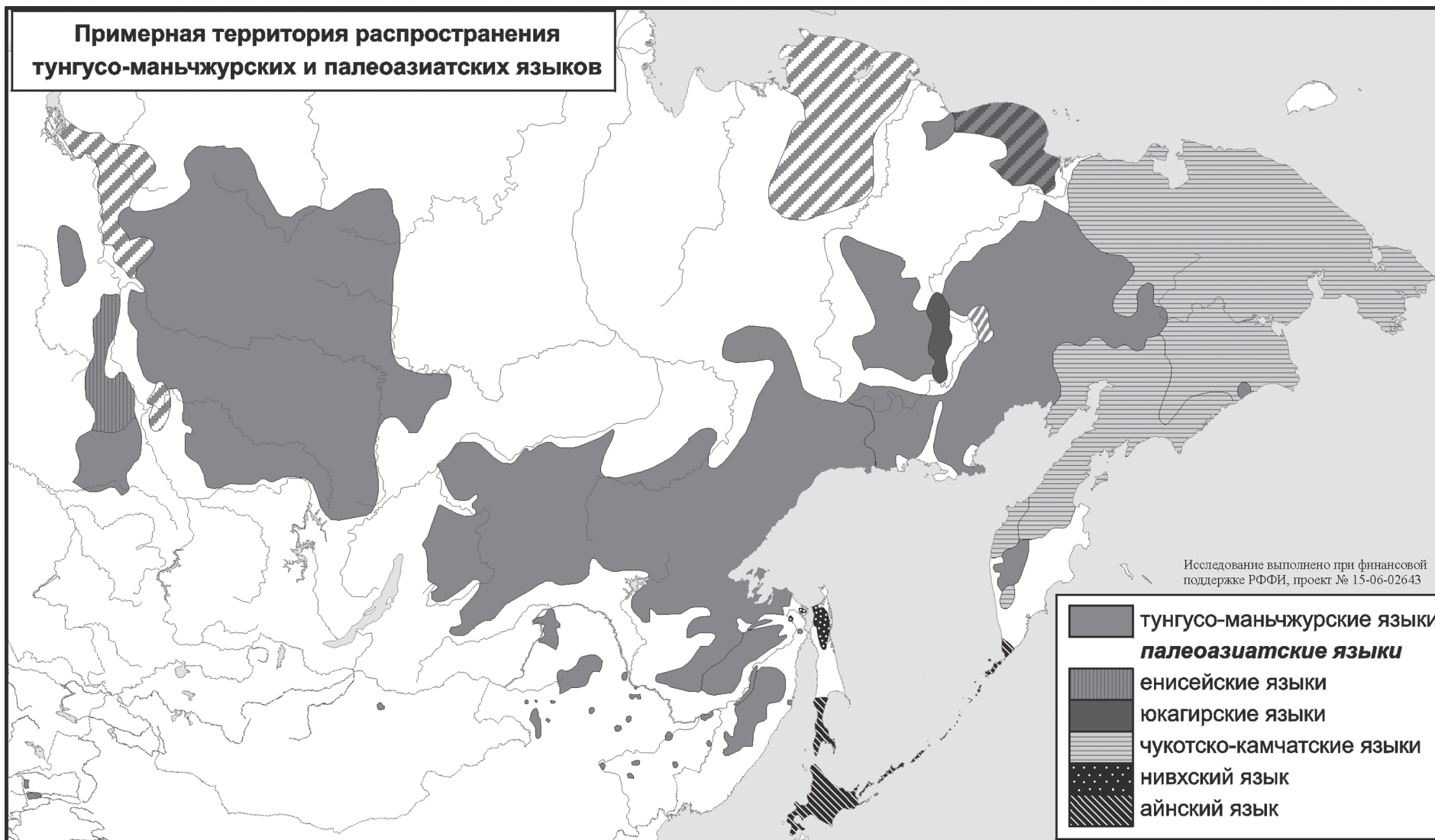
maja plakaj	nasha plakaj
tvaja plakaj	washa plakaj
iwo plakaj	iwo plakaj

Примеры фраз на этом пиджине в русской транскрипции⁵ (из статьи 1831 года, цит. по: Перехвальская 2008: 217):

Ти гэкай дувал есы	Ты (у тебя) какой товар есть?
Я сьякэ дувал есы	Я (у меня) всякий товар есть
Ти гэкай дувал наду	Ты (тебе) какой товар надо?
Эдика дувал я нянаду	Этого товару мне не надо

⁵ Здесь *гэкай* ‘какой’; *дувал* ‘товар’; *сякэ* ‘всякий’; *есы* ‘есть’; *наду* ‘надо’; *нянаду* ‘не надо’; и т.п. Произношение (и, соответственно, написание) русских слов адаптировано к нормам китайской фонетики.

**Примерная территория распространения
тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков**

Русско-китайский пиджин широко использовался при торговых отношениях на границе (в Кяхте и других местах) и просуществовал до 30-х годов XX века.

О степени стабильности и распространении русско-китайского пиджина в 1930-е годы свидетельствует возникновение на нем загадок, пословиц, даже детского фольклора. Влияние этого языкового варианта до сих пор сказывается на региональном русском просторечии: представители старшего поколения употребляют такие слова, как *карабчить* 'воровать', *цифанить* 'есть', *питуза* 'заплечный мешок', *ходя* 'китаец', *ирбуль* 'кореец' и т.п. <http://humanities_dictionary.academic.ru/7943/Русско-китайский_пиджин>.

Руссенорск (другое название *моя-по-твоя*, *тоја рѧ твоја*) — смешанный русско-норвежский пиджин, обслуживавший общение русских и норвежских торговцев на северном побережье Норвегии и России. Существовал с XVII по начало XX века, когда велась активная морская торговля зерном и рыбой между этими странами. В руссенорске около 400 слов, примерно половина лексики — из норвежского языка, половина — из русского. Первое описание этого языка, включающее несколько текстов на нем, опубликовано в 1930 году⁶.

Пример диалога (помета R означает, что слово взято из русского языка, N — из норвежского):

норв.: Kjør_N i_N seika, treska_R, tiksa o_N balduska? 'Покупаешь сайду, треску, пикшу и камбалу?'

рус.: Da_R, da_R — moja_R kopom_R altsamma_N, davai_R po skip_N kom_N. 'Да, да, я покупаю все, давай на судно иди.'

норв.: Spasiba_R! har_N i_N mokka_R, har_N i_N groppa_R? 'Спасибо! У тебя есть мука, у тебя есть зерно?'

рус.: Da_R, da_R! Davai_R po skip_N kom_N, brat_R, po tjei_R driki_N. 'Да, да! Давай на судно иди, брат, чай попей.'

норв.: Vlagdaru_R pokorna_R! Kok_R tvoja_R betalom_N for_N seika? 'Благодарю покорно! Сколько ты просишь за сайду?'

рус.: Pet_R pudof_R seika 1 pud_R moki_R. 'Пять пудов сайды за один пуд муки.'

норв.: Kor_N i_N tykje_N e_N de_N laga_N? I_N mo_N gjer_N de_N billiar_N! 'Как ты, черт возьми, считаешь? Надо сделать дешевле!'

рус.: Kak_R sprek? Moje_R niet_R forsto_N. 'Что сказал? Я не понимаю.'

норв.: Dorgo_R, dorogo_R rusmain_N — prosjai_R! 'Дорого, дорого, русский, прощай!'

рус.: Nietsjevo_R! sjetiri_R — gall_N! 'Ладно, четыре и половина!'

норв.: Davai_R fir_N — nietsjevo_R verrigod_N. 'Давай четыре, ладно, очень хорошо.'

рус.: Njet_R, brat_R! Kuda_R moja_R selom_N desjevli_R? Grot djur_N mokka_R po rusleien_N dein_N or_N. 'Нет, брат! Как я могу продать дешевле? Очень дорого мука в России в этом году.'

норв.: Tvoja_R niet_R sainferdi_N sprek. 'Ты неправду говоришь.'

рус.: Jes, grot sainferdi_N, moja_R niet_R lugom_N, djur_N mokka_R. 'Да, чистую правду, я не вру, дорогая мука.'

норв.: Kak_R tvoja_R kopom_R — davai_R fir_N pud_R; kak_R tvoja_R niet_R kopom_R — so_N prosjai_R! 'Если ты покупаешь — давай четыре пуда, если не покупаешь — тогда прощай!'

рус.: No_N, nietsjevo_R brat_R, davai_R kladi_R po dek_N. 'Нет, ладно, брат, давай клади [рыбу] на палубу.'

«Таймырская говорка» — пиджин, который использовался на Таймыре в разговорах русских с местным населением (нганасаны, долганы) до середины XX века. Впервые обнаружен и описан в работе (Хелимский 1987; см. также: Урманчеева 2010).

Примеры (см.: Гусев 2012):

Совсем дом мера или балок мера такой камень стал. 'Прямо размером с дом или с балок камень появился.'

Ночью когда меня тебя место ходил. 'Когда я ночью приходил к тебе.'

Тарик место такан налил. 'Он налил старику стакан.'

А вот целый короткий рассказ на этом языке:

Ну, ну. Завтра встали. Это, конечно, батрак ушел туда, это купец место. Ну, торой парень-то тоже ушел — торой парень, отец-то один. Купец сидит контора место. «У, батрак, тебя таперя-то худой человек, понимает, полкубометра тебя не рубил. Ну что тебя, понимает?»

⁶ См. русский перевод: (Брок 1992).

На следующее утро встали. Батрак, конечно, ушел к купцу. И второй его сын тоже ушел — второй сын, брат того, о котором говорилось раньше. Купец сидит в конторе. «Батрак, ты, оказывается, плохой работник. За день не нарубил и полкубометра дров. Что же это ты так?»

Сегодня ни одного из трех перечисленных пиджинов (торговых языков) уже не существует. Однако не следует думать, что языки подобного типа возникали только в прошлом: они и сейчас активно формируются везде, где появляется потребность в общении между группами людей, не говорящих на языках друг друга.

Новые языки данного типа

Наиболее яркий пример подобного «торгового языка» — это язык, которым пользуются сегодня в Южной Сибири, в районах, пограничных с Китаем, там, где происходит активная торговля.

Примеры слов современного «забайкальского» торгового языка

(материалы Д. Сундуевой, Чита, 2006 г.)

Визовик, визовики — группа людей или отдельный человек, выезжающий по визе за границу.

Вонючка — ароматизатор для машины.

Капитана — название любого руководителя или начальника, независимо от должности.

Карифана, друга — обращение мужчин на рынке к китайским продавцам или к русским покупателям.

Кэмел — человек, который вывозит груз из Китая за определенную плату.

Маудзедунки — конфеты. Часто на фантиках изображен портрет Мао Дзедуна, отсюда и название.

Мимбё — понятно. Созвучно с китайским «ми-мбэ».

Полукэмел, половинка — человек, который оплачивает половину себестоимости путевки и вывозит часть товара для себя, а часть для кого-то.

Помогайка — наёмные рабочие-китайцы, которые носят твои сумки и ведут за товаром.

Посписку — обычно так зовут людей, которые покупают товар оптом, заезжают и выезжают вместе.

Почифанить — в значении кушать, на китайском еда «чи-фа», отсюда русский вариант.

Руссо-туристо — обращение к любому туристу. (В Маньчжурии существует гостиница с таким названием.)

Супер-минимум — скидка на товар.

В конце 80-х — начале 90-х годов XX века, в связи с ростом торговли между Китаем и Россией, на российско-китайской границе были образованы пропускные пункты: г. Забайкальск (Читинская область) — г. Маньчжурия (Автономный район Внутренняя Монголия); г. Благовещенск (Амурская область) — г. Хэйхэ (пров. Хэйлунцзян); станция Гродеково (Приморский край) — поселок Суйфэньхэ (пров. Хэйлунцзян). В этих точках быстро начала развиваться сначала бартерная, а позже и денежная торговля (к 1993 году ее объем достигал 7,67 миллиардов долларов). Люди, занимающиеся такой торговлей, стали именоваться «челноками»⁷.

При этом русские, участвовавшие в торговле, не владели китайским, а китайцы — русским. В этих условиях довольно быстро выработался особый язык — «забайкальско-маньчжурский препиджин», как его называет китайский лингвист Ян Цзе (Ян Цзе 2007). Вот примеры диалогов (все примеры из: Ян Цзе 2007):

Китайский продавец обращается к русской покупательнице: *Куня! Ды дала менé мало юань! Нáта сто юань, женьминьб́и* (Девушка! Ты мне дала мало юаней! Надо сто юаней, китайских денег).

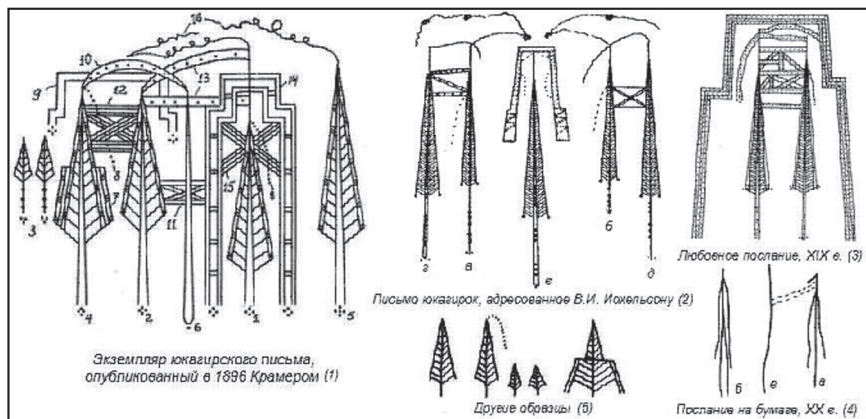
Русский водитель микроавтобуса обращается к знакомому китайцу: *Моя капитáна — молоди́ца, клéвая куня, а?* (Мой руководитель группы красивая девушка, а?)

Китайский торговец обращается к русскому партнеру: *Моя щас ходила лестола́н, ела кытаски тофу, лянца́й, мяса, пилоски, пила цю-цю́ть водка — усие укусно, хэнь хао́тши. Лестола́н та улиса, кода мы гуля́ли давно, чжидáо-ма? Я зынала — твоя любит кытаски кухня. Можит сиедне вечелом погуляем — тама много луский куня, кыласива* (Я сейчас ходил в ресторан, ел китайский соевый творог, овощной салат, мясо, пирожки, немного выпил водки — все вкусно. Ресторан находится на той улице, где мы раньше с тобой отдыхали, помнишь? Я знаю — ты любишь китайскую кухню. Может быть, сегодня вечером посидим в этом ресторане — там много красивых русских девушек). Русский партнер отвечает: *Сёдня вечелом мене надо ехать Забайкальск, капитана сказала, завтра погуляем, хао-ма?* (Сегодня вечером мне нужно ехать в Забайкальск — начальник приказал, завтра посидим в ресторане, хорошо?)

⁷ О превращении «челноков» в «помогайки» см.: Журман О. «Челнока» сменил помогайка // Российская газета. 2005, 29 июля. <<http://www.rg.ru/2005/07/29/pomogaika.html>>.

Чукотское идеографическое письмо. В отличие от юагирского письма, в данном случае мы знаем автора изобретения: это человек по имени Тыневиль (ок. 1890 — ок. 1943).

Тыневиль жил в тундре близ населенного пункта Усть-Белая. Примерно в 1927–1928 годах он изобрел письменность для чукотского языка: пиктограммы для имен (названий животных, рыб, предметов быта), глаголов, а также особые знаки для чисел на основе двадцатеричной системы счисления, характерной для чукотского языка. В его системе насчитывается около 1000 идеограмм. Кроме самого Тыневиля, этим письмом владел его сын, и они обменивались посланиями, когда пасли оленей. Тыневиль наносил свои знаки на любые имевшиеся под рукой предметы: на доски от ящиков, на кости, моржовые клыки и конфетные обертки. Ящик с тетрадиками и другими вещами Тыневиля был обнаружен в 1945 году в верховьях реки Анадырь. Впервые эти данные опубликовал В. Г. Богораз (Богораз 1934а); подробные сведения об этой системе письма можно найти в работе (Давыдова 2015).

налим	стадо разрежьте	покочевали	богатый оленеvod
ремень	толенья шкура	шкура лактика	папириска
Орхонские письмена			

они обменивались посланиями, когда пасли оленей. Тыневиль наносил свои знаки на любые имевшиеся под рукой предметы: на доски от ящиков, на кости, моржовые клыки и конфетные обертки. Ящик с тетрадиками и другими вещами Тыневиля был обнаружен в 1945 году в верховьях реки Анадырь. Впервые эти данные опубликовал В. Г. Богораз (Богораз 1934а); подробные сведения об этой системе письма можно найти в работе (Давыдова 2015).

6. Коренные малочисленные народы Севера: языки и письменность

Немного истории

Большинство работ советского периода помещает историю коренных малочисленных народов Сибири и Севера (далее КМНС) в общесоветскую хронологию (до 1917 года, после 1917 года, период коллективизации, война, послевоенное промышленное строительство) или предлагают близкие к этому даты (см.: Гурвич 1964; Алпатов 1997: 81–94). Следует иметь в виду, однако, что для многих регионов, прежде всего удаленных, действительно важные для их истории даты могут быть другими. Так, на Чукотке 1917 год ничем не отличался от 1916, а реальные политические и экономические перемены начались несколькими годами позже (1919 — большевистский переворот, 1920 — антибольшевистский переворот; 1923 — окончательное установление власти большевиков); для Дальнего Востока важной датой был не 1917, а 1920 год — создание буферной Дальневосточной республики, просуществовавшей до ноября 1922 года.

Для истории языков и языковых ситуаций на Севере также важны свои даты. Работа по созданию новых письменностей и введения школьного образования для языков народов Севера началась в середине 1920-х годов.

Существует ряд работ, отражающих ранний период истории школьного образования на Севере. Это в первую очередь монография (Базанов, Казанский 1939), в которой подробно освещена история школ Севера от миссионерских до первых советских школ и интернатов. В ней приведена также подробная карта распространения школ-интернатов на Крайнем Севере. Другая работа по истории северных школ — статья (Кронгауз 1958). Обе работы опираются на широкий круг источников, содержат богатый фактический материал; при этом они дают и прекрасные образцы тогдашних идеологических штампов и объяснений. Детальные сведения по истории школьного образования на Севере можно найти в книге (Сергеев 1955). В 1972 году вышла монография «Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока» (Севильгаев 1972), которая доводит повествование до конца 1960-х годов и отражает период массового введения интернатской системы. Следует упомянуть и серию изданий «Просвещение на Крайнем Севере», регулярно выходившую с 1949 года (см.: Вахтин, Лярская 2004).

В это время был разработан Единый тюркский алфавит на основе латиницы, который использовался для создания письменностей тюркских языков Казахстана, Узбекистана и других регионов; вслед за ним и на его основе в 1929–1931 годах был создан Единый северный алфавит. В 1932 прошла Первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера. В том же году были изданы первые буквари на языках народов Севера, созданы первые 14 алфавитов для «младописьменных» языков⁹.

11 февраля 1937 года Совет национальностей ВЦИК принял постановление о переходе письменностей народов Крайнего Севера на русскую графическую основу. В результате этого декрета «потеряли письменность», а с ней и образование на родном языке (там, где оно было начато) 11 малых народов, в том числе алеуты, ительмены, удэгейцы, шорцы и др.

Рубежом в истории КМНС и их языков следует, видимо, считать середину 1950-х годов. Именно в это время языковая политика советского государства на Севере совершила резкий поворот в сторону русификации. Это было связано с началом «освоения Севера», политикой укрупнения поселков и перевода кочевых и полукочевых народов на оседлость. Насильственное и полунасильственное переселение жителей из мелких традиционных поселков в крупные современные происходило на фоне скачкообразного увеличения численности приезжего населения в 1960-е годы (см.: Вахтин 1993: 50–54). Именно этот период остался в памяти представителей коренного населения как трагедия, последствия которой определили жизнь КМНС на следующие 30 лет и продолжают оказывать сильное негативное влияние до сих пор. Представители «северной интеллигенции» — такие как Алитет Немтушкин, Юрий Рытхеу, Владимир Санги — единодушно называли именно 1960–1970-е годы наиболее тяжелым периодом в жизни своих народов.

nanut imami
nanuq utuqa
nanum uqa
nanuq—nanut
imaq—imat
nanut imami

Страница
эскимосского
букваря 1932 г.,
набранная
латиницей

⁹ «Младописьменные языки» — языки, письменность на которых создана сравнительно недавно, или которые перешли с одной системы письма на другую.

Школьное образование и языковая политика

Начало формирования школьного образования на Севере как системы относится к 1920-м годам. В то время активно обсуждались несколько подходов к организации школьного образования, основное различие между которыми заключалось в отношении к существующим культурам народов Крайнего Севера: одни признавали за ней самостоятельную ценность и уникальность, другие же считали ее «отсталостью», этапом эволюции общества, который можно и нужно преодолеть, и задача школы виделась в том, чтобы помочь учащимся перейти к «цивилизованной жизни». Дискуссии двадцатых годов о культурах, языках и школе народов Севера заслуживают внимания, поскольку в них затрагиваются почти все вопросы, с которыми и сегодня сталкиваются организаторы школьной системы для коренного населения не только в России, но и, например, в Северной Канаде.

Первая точка зрения нашла отражение в программах для школ Крайнего Севера, которые были выпущены в 1926 году. Их авторы писали:

«Величайшей ошибкой было бы думать, что мы должны в нашей работе стремиться к передаче туземцам наших привычек, столь чуждых их быту, стараясь изменить этот быт на наш лад. С большой чуткостью и осторожностью мы должны подходить к устоям туземной жизни, — сломать эти устои ничего не стоит, но эта ломка приведет туземцев к гибели. Наша помощь должна заключаться в содействии северным народностям к укреплению и развитию той своеобразной культуры, которая является частью общечеловеческой культуры...» (Учебные программы 1926).

Однако следующая редакция этих же программ (Учебные программы 1929) содержит призыв прививать детям навыки «культурного быта»: идеология школьной программы уже начинает меняться, хотя и ориентирована еще на традиционную для каждого региона хозяйственную деятельность и строится исходя из представлений о базовых знаниях учеников и их потребностях в образовании.

Период конца 1920-х — начала 1930-х годов характеризуется использованием различных форм обучения — от кочевой школы до школы-интерната. Постепенно от практики кочевых школ отказываются, и базовой формой обучения на Севере становится интернат. К концу 1930-х годов происходит унификация школьной политики по всему СССР; программы обучения на Севере постепенно теряют своеобразие и более не ставят своей задачей сохранение культуры и хозяйственного уклада северных народов. Целью школы становится приобщение народов Крайнего Севера к «социалистической культуре» (Вахтин, Лярская 2004).

Следующий этап в развитии северного образования начался после 1956 года. В этот период принимается решение о дальнейшем распространении сети интернатов, о переводе на государственное обеспечение детей народов Севера вне зависимости от места проживания родителей и о введении всеобщего обязательного среднего образования. Интернат становится основной формой обучения; детей кочевых групп забирают в туда в принудительном порядке, вне зависимости от желания родителей; кроме того, в интернаты переводятся и дети оседлых родителей, живущих в том же или соседнем поселке. Государство берет на себя заботы о воспитании и образовании детей коренных народов, лишая семью права голоса в этой сфере и, следовательно, снимая с нее ответственность за воспитание детей. Преподавание родных языков в этот период сводится к минимуму: основная цель школы — научить говорить, читать и писать по-русски.

С середины 1970-х годов политика государства вновь меняется: намечается отказ от жесткой позиции по отношению к родным языкам; они вновь появляются в школьном расписании как предметы преподавания, редко — как язык обучения в начальных классах. В это же время начинают меняться представления народов Севера о возможных сценариях жизненного пути, а следовательно — и отношение к необходимости образования (Вахтин, Лярская 2004).

Современная языковая ситуация

Начиная примерно с 1987 года все пишущие о КМНС заговорили об исключительно тяжелой ситуации, в которой оказались к концу века эти народы. Ситуация описывалась как «этническая

катастрофа». Параллельно с экологическими, экономическими, социальными и медицинскими проблемами, существенной составляющей этой катастрофы называли положение с родными языками (одна из первых статей об этом — (Пика, Прохоров 1988); см. также журнал «Северные просторы», все номера которого в 1989–1992 годах посвящены практически исключительно этой теме). В ответ на это были приняты законы, в том числе и федеральные (Красная книга 1994; Статус 1994), направленные на защиту КМНС их культур и языков. Однако для многих языков это произошло слишком поздно: на Севере начался (а в некоторых районах и закончился) процесс *языкового сдвига*.

На рубеже XX–XXI веков языки народов Севера подразделялись на несколько групп по степени сохранности, которая считалась по ряду взаимосвязанных признаков: общая степень владения языком для всей группы, степень владения языком для разных возрастных групп, процент людей в той или иной возрастной группе, владеющих языком, и степень владения русским языком.

В **первую группу** попадают языки народов, имеющих политико-территориальные образования, — якутский, коми, тувинский, бурятский и т.п. Эти языки полноценно функционируют, хотя исследователи и отмечают, что, например, зафиксированный в Конституции Республики Саха (Якутия) статус якутского языка как официального (статья 46) существует больше на бумаге, чем в реальности: из-за смешанного населения Якутии, где значительную долю составляют русские, в официальной сфере чаще используется русский

Языковой сдвиг — это ситуация постепенной утраты группой своего языка и перехода на другой язык, обычно — на тот, который доминирует в данном обществе. Процесс языкового сдвига включает ряд стадий: вначале возникает ситуация двуязычия, когда этническая группа осваивает, наряду с родным, доминирующий язык как второй; затем эта группа или, чаще, некоторая ее часть начинает постепенно все больше пользоваться доминирующим языком в повседневной жизни; функции этнического языка постепенно сокращаются, он все более и более выходит из употребления, и наконец остается всего несколько человек, которые его помнят, а группа в целом практически перестает им пользоваться, забывает его и становится одноязычной. В пределе этот процесс приводит к **языковой смерти** — то есть к полному исчезновению этнического языка (см. подробнее: Вахтин, Головкин 2004: 111 и сл.).

30–31 марта 1990 года в Москве прошел Первый съезд малочисленных народов Севера, на котором была образована **Ассоциация коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока** (РАIPON). Созданию Ассоциации предшествовало образование местных общественных организаций, таких, как «Спасение Югры» (Ханты-Мансийский округ), «Ямал — потомкам» (Ямало-Ненецкий округ), «Ассоциация саамов» (Мурманская область), «Кольта-Куп» (селькупы Томской области), «Арун» (Эвенкийский округ), «Ясавэй» (Ненецкий округ), «Аван» и «Общество Юпик» (эскимосы Чукотского округа), «Ассоциация нганасан и долган на Таймыре», союз возрождения ительменского языка «Тхасаном» (Камчатская область). В уставах всех этих ассоциаций в качестве одной из основных целей значится изучение и пропаганда изучения родного языка, в декларациях отмечается бедственное положение родного языка (Соколова 1994: 17).

большая часть). Большинство в младшей группе и детей, как правило, понимают и способны говорить, но пользуются языком редко. Русским языком владеет подавляющее большинство. Сюда входят нганасанский, хантыйский, чукотский, эвенкийский языки.

Четвертая группа — это языки, распределяющиеся по возрастным группам следующим образом: старшая возрастная группа говорит на языке, средняя — тоже, но хуже и в меньшей степени, часто использует упрощенный язык, младшая группа и дети практически не пользуются языком. На русском языке говорят все. В эту

язык, притом что якутский широко используется в бытовом общении, в том числе и младшим поколением. Основные процессы, происходящие с этими языками — расширение их функций, работа по их стандартизации и кодификации, по созданию терминологии на родных языках.

Во вторую и последующие группы входят языки малочисленных народов Севера.

Вторая группа включает ненецкий и, возможно, долганский язык. Это языки, которые полностью сохраняются во всех возрастных группах: независимо от возраста, все члены сообщества свободно владеют языком, хотя в возрастной группе «дети» могут присутствовать люди, не говорящие на титульном языке. При этом большинство людей владеет также и русским языком.

Третья группа — это языки, которыми в той или иной мере свободно владеют старшая и средняя возрастные группы (или их

группу входят кетский, корякский, нанайский, орокский, орочский, селькупский, ульчский и энецкий языки.

В пятой группе старшее поколение говорит на языке между собой и со своими детьми, те, кто входит в среднюю возрастную группу, способны только понимать обращенную к ним речь, молодежь и дети не говорят на титульном языке. Сюда попадают мансийский, негидальский, нивхский, тофаларский, удэгейский и юкагирский языки (возможно, только тундровый юкагирский, тогда как колымский юкагирский следует, по-видимому, отнести к следующей группе).

Шестая группа — это языки, на которых способно говорить лишь старшее поколение, очень малая часть среднего поколения может понять упрощенную речь. Все население русскоязычно. Сюда входят алюторский и эскимосский языки.

Седьмая группа — это языки, носители которых на сто процентов русскоязычны, лишь редкие представители старшего поколения способны к коммуникации на родном языке. В эту группу входят алеутский, ительменский и керекский языки.

К **особым случаям** можно отнести эвенкийский язык, который включает примерно 50 местных говоров, объединенных в 14 диалектов. Из 30 тыс. эвенков, проживающих на территории Российской Федерации, 12 % приходится на Эвенкийский автономный округ, около 42,5 % — на Якутию, 13 % — на Хабаровский край, около 32,5 % — на Иркутскую, Амурскую, Читинскую, Сахалинскую и Томскую области (Булатова и др. 1997: 15). Степень сохранности языка различается по регионам: в Амурской области и Хабаровском крае процент эвенков, говорящих на родном языке, высокий, в Эвенкии — примерно 50 %, в Якутии и Бурятии — 12–15 %. Повсеместно наблюдается двуязычие (эвенкийский и русский), кое-где трехязычие (эвенкийский, русский, якутский или бурятский) (Красная книга 1994: 69). В Якутии многие эвенки первым языком считают якутский, вторым — русский, а титульный язык забыли; в Бурятии в большинстве случаев сохраняется трехязычие, в котором эвенкийский язык остается языком семейного общения. В других районах в молодых семьях эвенков преобладает русский язык, эвенкийский не сохраняется даже в качестве семейного (Булатова 1997).

7. Особенности русского языка в Сибири и на Севере

Русский язык в Сибири имеет много своеобразных черт, прежде всего, в словаре, меньше — в фонетике и грамматике; это своеобразие сформировалось за почти четыреста лет его функционирования, начиная с первых поселенцев XVII века и вплоть до середины XX века.

На особенности речи русских, живущих в Сибири, обратили внимание давно, но описание этих говоров началось только в XX веке. В 1892 году А. И. Соболевский сетовал на почти полное отсутствие сведений о сибирских говорах (Соболевский 1892); в начале XX века был опубликован «Областной словарь Колымского русского наречия» В. Г. Богораза (Богораз 1901). Одна из первых попыток систематически описать сибирские русские говоры принадлежит А. М. Селищеву (Селищев 1968 [1920]); во второй половине XX века подобных исследований насчитываются десят-

Примеры заимствований из местных языков в русские сибирские говоры

Из бурятского языка: *бакари* 'длинные унты'; *арса* 'мягкий сыр домашнего приготовления'; *арушень* 'сушеный творог'; *архи* 'молочный спиртной напиток'; *такша* 'деревянная пиала'; *армак* 'блюдо из жареных потрохов'; *барахчан* 'однолетний теленок'; *балар* 'мошеник'; и др.

Из нанайского языка: *кета* 'красная рыба семейства лососевых' (в нанайском языке слово *киата* означает любую дохлую или полуживую рыбу, всплывшую на поверхность).

Из монгольских языков: *чалдон* в сибирских русских говорах 'коренной сибиряк, русский, старожил' (в монгольском — 'бродяга, каторжник') (см.: Федоров 1982).

ки: о сибирских говорах писали П. Я. Черных, В. А. Сенкевич, В. В. Палагина, О. И. Блинова и многие другие (см. обзор в: Федоров 1982). К. М. Браславец (1968; Словарь 1977) посвятил ряд своих трудов подробному описанию русского языка Камчатки.

Первыми русскими переселенцами в Сибири были носители северных русских говоров — выходцы из Архангельской, Олонецкой, Вологодской губерний, из городов Великого Устюга, Вычегды, Холмогор, Пинеги, Цыльмы и др.; несколько позже в Сибирь двинулись носители других русских говоров, прежде всего псковского и новгородского. По этой причине русские старожильческие говоры Сибири имеют много общего со старыми северными

диалектами русского языка, хотя и претерпели существенные изменения, особенно в лексике. Так, например, северновеликорусское *взводень* 'большая волна на море', восходящее к древненовгородскому *възводъ* 'подъем воды в р. Волхов', сохранилось в измененном виде и с другим значением в некоторых прибайкальских говорах: *зводни* 'волны, зыбь на воде'. В архангельских и вологодских говорах известно слово *подызбица* 'нижний этаж дома'; в сибирских говорах это слово стало значить 'чердак'.

Уже в XVIII веке в языки народов Сибири, вступивших в контакт с русскими, проникает значительное количество русских слов, а в русский язык местного населения — большое число слов местных языков. По наблюдениям К. М. Браславца, именно в результате смешения ительменского языка и русского языка переселенцев сформировалось «русское камчатское наречие». Аналогичные процессы происходили и в других районах Севера и Сибири: на Индигирке и Колыме, на Анадыре и в Забайкалье, в Западной Сибири (Федоров 1982: 81–82).

Несмотря на влияние школьного образования и распространение литературной нормы, эти говоры оказались удивительно устойчивыми: в 1960–1970-е годы исследователи еще находили людей, для которых эти говоры были основным разговорным языком, и сумели записать от них богатейшие диалектные материалы. Были составлены и выпущены многочисленные диалектные словари: *Словарь русских старожильческих говоров бассейна р. Оби*, *Словарь русских говоров Новосибирской области*, *Словарь русских говоров Забайкалья*, *Иркутский областной словарь*, *Словарь старожильческих говоров бассейна р. Амура*, *Словарь русского камчатского наречия* и многие другие¹⁰.

В настоящее время носителей этих говоров осталось очень немного; основная масса русского населения Сибири и Севера говорит на языке, близком к городскому или сельскому просторечию, хотя, конечно, многие «сибирские» слова в их речи сохранились.

Тем не менее, потеряв коммуникативную функцию, эти говоры часто сохраняют другую, не менее важную — функцию под-

¹⁰ См. списки областных словарей на сайтах «Грамота.ру»: <http://www.gramota.ru/slovari/types/17_4> и «Словород»: <<http://www.slovorod.ru/russian-lexicography/rus-dialectal.html>>.

Марковский говор

а) сохранившиеся слова северных русских говоров: **га́литься** 'насмехаться' | сРНГ *арханг., олон., переч.*; **глы́за** 'комочек, камень' | сРНГ *волог., архан., новг.*; **девьѧ** 'хорошо, верно, правда' | сРНГ *волог., новг., иск., олон.* и др.; **залехти́лась** 'запыхалась' | сРНГ *арх., волог., заурал.*; **ка́рбас** 'большая лодка на несколько человек' | сРНГ *архан., олон., печор., мурм., олон.*; **ли́хо** 'хочется спать' | сРНГ *лихо* 'лень' *архан., олон., печор.*; **напрохóд** 'сразу' | сРНГ 'быстро, скоро, без остановки' *архан., волог.*

б) заимствования из окрестных языков: **а́кка** 'старшая сестра' | *эвен. акан* 'старший брат'; *юкаг. экэа* 'старшая сестра', *эвен. экэн* 'старшая сестра'; **а́лык** 'ремни собачьей упряжи' | *ненецк. алак*; **а́ма** 'мать' | *эвен. ама* 'отец' (обращение); **а́ргэ** 'грязно' | сРНГ *бурят. аргһал, монг. аргал* 'сухой навоз, кизяк'; **бу́рдук** 'мука', *якут. бурдук* 'мука'; **и́стык** 'икра в пленке' | *якут. исттээх* 'непотрошенная рыба'; **ка́липляки** 'женские сапожки из замши' | из *чукот. кэлилин плек'ыт* 'вышитая обувь'; **у́рун** 'топчан, на котором спят' | сРНГ *якут. орон* 'общее название спальных мест'; **чекáнить** 'мочиться' | *эвенк. чикамна* 'мочиться' (см.: Вахтин и др. 2004; СРНГ 17).

держки самосознания, или самоидентификации. Примером здесь может служить марковский говор, который еще в 1960-е годы использовался как разговорный старшим поколением села Марково (среднее течение р. Анадырь, Чукотка). Сегодня этот говор реально не функционирует, но при этом жители села утверждают, что продолжают им пользоваться. Относительно своего происхождения многие жители Марково сконструировали ряд любопытных мифов: одни возводят себя к первопроходцам, членам команды Семена Дежнева, попавшего в эти места в 1648 году, другие — к особому народу, чуванцам, образовавшемуся от смешения русских старожилов и местных чукотоязычных племен. В любом случае, наличие даже воображаемого «собственного языка» играет важную роль для самоидентификации марковцев как единой и отдельной группы. В действительности жители села просто вставляют в свою речь некоторые пока еще забытые слова из этого говора или иногда произносят фразы с особой, певучей интонацией, которая была для этого говора характерна. Этого оказывается вполне достаточно, чтобы и говорящий, и его собеседники уверились, что «перешли на марковский говор» (см.: Вахтин и др. 2004).

Эта особенность любого языка, его важнейшая роль в самоидентификации, вызывает к жизни и другое явление — искусственное создание и поддержание новых языков (см.: Баранова

2014; Бондаренко 2014). Примером этого может служить так называемый «Сибирский говор» и подобные ему новообразования.

«Сибирский говор» и «Поморьска гóвóря»

«Сибирский язык» — это авторский проект; он был создан в 2000-е годы группой энтузиастов во главе с Ярославом Золотаревым, который утверждает, что созданный им язык «обобщает существовавшие в Сибири старожильческие говоры». В начальных версиях этот «язык» содержал значительное количество тюркских корней, заменяющих соответствующие греческие, латинские и более поздние европейские заимствования в современном русском литературном языке. Впоследствии многие тюркские корни были заменены на славянские.

Формирование этого языка продолжалось до 2007 года в блоге Золотарева и на сайте «Сибирская Свобода». Сколько в этом «проекте» от шутки, а сколько от серьезной попытки создать региональный язык — сказать трудно. В любом случае, властями шутка

«Сибирский язык»

Вот как выглядят первые числительных на этом языке: *водин, два, три, чотыре, петь, шесь, сем, восем, деветь, десеть*.

А это перевод псалма (Пс. 1:1–2) «с русского на сибирский»:

Русский: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей, но в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое, и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет. Не так — нечестивые; но они — как прах, возметаемый ветром. Потому не устоят нечестивые на суде, и грешники — в собрании праведных. Ибо знает Господь путь праведных, а путь нечестивых погибнет».

Сибирский: «Шасливой мужык, которой не хоит на вече варначников, Ешшо не торчит на путе греховодников, Ешшо не сидит в усборишше покрутчиков, Но в коне Воспода воля евонна, И про кон Евонной думат день и тыон дык. Ить бут вон навроде лесины, сажонной при перекале вологи, Котора приносит жырки ейны во времь ейно, И лис которой не вянет, И во всьом, чо не деет, поспетса му. Не таки варначники, а вони как пыль, котору сметат буран, Пото не выдюжат варначники на ряде, И греховодники — в усборишше праведных, Ить знат Восподь путь праведных, А путь варначников погинет».

не была воспринята: в 2007 году соответствующая статья была удалена из Википедии, а сайт был закрыт.

В Архангельской и Мурманской области примерно в то же время шел похожий процесс: формирование и пропаганда *Поморской говори* — говора русского языка, якобы базировавшегося на говоре поморов — старожильческого населения Русского Севера.

Словарь «Поморского языка»¹¹ был составлен и опубликован Иваном Ивановичем Мосеевым, в то время директором НОЦ «Поморский Институт коренных и малочисленных народов Севера» при Северном (Арктическом) Федеральном университете в Архангельске.

Этот словарь и предисловие к нему могут служить образцовым руководством по тому, как можно создать обособленную группу и сконструировать для нее «особый язык». Пересказом этого предисловия можно, пожалуй, завершить раздел о языках Сибири и Севера. (Орфография и стиль оригинала сохранены; автор отмечает ударения прописными буквами.)

«В сознании, пробудившемся от повседневной суеты, — пишет автор, — вдруг начинает звучать говОря моих предков — язык, на котором сегодня почти никто уже не разговаривает. И сквозь шелест налетевшего ветра я будто снова слышу, как на берегу переговариваются меж собой деревенски жОнки:

— ПорАто-ль мнОго, дЕфка, гУбок-то наломАла?

— Да, дорОдно — жарЁхи-то поИссь...

— Мы-то с ИрИньёй сЕйгод ишшА не хАживали в лЕсы-то...

Для приезжего человека-«чужАнина» язык этот непонятен и странен. И **дело не только в том**, что “гУбки” — это по-поморски “грибы”, которые здесь не “собирают”, а “ломАют”, что слово “порАто” — означает “очень”, а слово “дорОдно” — переводится как “достаточно”... **Дело не только** в непонятных и чудных поморских словах,

которых в помОрьской говОре “спроЁм”. **И не только** в необычных для русского языка интонациях, из-за которых почти любое предложение у поморов напоминает вопросительное. **И не в том**, что предложения в говОре составлены отнюдь не по правилам литературного русского языка... **Дело в том, что говОря — это самостоятельный древний язык**, сформировавшийся на территории исторического Поморья, и сохранивший свои отличительные особенности до наших дней» (выделено мною. — Н.В.).

Риторически текст построен безукоризненно, и далее автору уже ничего не стоит перейти от трогательных детских воспоминаний («Память детства — самая прочная память. <...> мы с братом мирно сидим за столом у закипевшего самовара, улетаая за обе щеки пироги “с ягодаАма” и горячие бабушкины шаньги. “Иссь шАньги”, отламывая кусочки и окуная их в глиняную овальную плоску “лАтку” с горячим топленым маслом (это называлось шАньги волОшить), было увлекательным занятием, особенно зимними вечерами, сидя у теплой печки-“голАнки”)» к утверждению, что поморы — это соль земли, что они совершенно не похожи на русских — лаптей не носили, одевались по-другому, пища была другая, сказки — другие, и главное — было особое поморское мироощущение... То же и язык: он совсем другой. Далее следуют призывы «беречь родную речь, потому что в ней душа народа»: *поморьска говоря* почти исчезла, и мы обязаны ее восстановить. Следуют цитаты из Ломоносова, Даля, Пришвина, Максимова — про уникальность, особость поморского говора, непохожесть его на русский. Далее параграф «Мы сами по себе!», потом еще один — «Вопреки ассимиляции», про то, как искажали и давили «наш поморский язык», и наконец следует вывод: «Говоря поморьска — язык коренной этнической общности поморов». Что и требовалось доказать.

Язык — один из самых мощных, возможно, самый мощный инструмент этнической и национальной самоидентификации; если представители какой-то группы осознали свою группу как отдельную («коренной малочисленный народ Севера», как поморские активисты, или «сибирскую нацию», как активисты сибирские),

¹¹ См.: Моисеев И.И. ПомОрьска ГовОря: краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005 <<http://www.fyodors.ru/pdf/dictionary.pdf>>.

они непременно начинают искать «особый язык» этой группы. Если же такого языка нет — или он существовал в прошлом, но вышел из употребления — он конструируется: создается из любых имеющихся средств или (реже) восстанавливается по старым записям и словарям. Эти процессы идут далеко не только в Сибири и на Севере: они имеют глобальный характер.

Литература

- Аврутина 2011 — Аврутина А. С. Древнетюркские рунические памятники: система письма и фонологическая реконструкция. М.: Издательство УРСС, 2011.
- Алпатов 1997 — Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917–1997: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: ИВ РАН, 1997. (2-е изд., доп.: Алпатов В. М. 150 языков и политика, 1917–2000. М.: ИВ РАН, 2000).
- Базанов, Казанский 1939 — Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере: историч. обзор. Л.: Учпедгиз, 1939.
- Баранова 2014 — Баранова В. В. Составление словаря и рождение нового языка // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 27–36.
- Батманов 1959 — Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе: АН Кирг. ССР, 1959.
- Беликов 1997 — Беликов В. И. Надежность советских этнодемографических данных // Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. М.: МГУ, 1997. С. 12–43.
- Беликов 1999 — Беликов В. И. Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка: от описания к объяснению: К 60-летию А. Е. Кибрика. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 557–579.
- Богораз 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1901.
- Богораз 1934а — Богораз В. Г. Луораветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3: Языки и письменность палеоазеатских народов. М.; Л.: Учпедгиз, 1934. С. 5–46.
- Богораз 1934б — Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1: История и социальный строй. Л.: Ин-т на-родов Севера ЦИК СССР, 1934.
- Бондаренко 2014 — Бондаренко Е. Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 37–48.
- Браславец 1968 — Браславец К. М. Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск: Б.и., 1968. (Ученые записки Хабаровского гос. пед. ин-та. Т. 14).
- Брок 1992 — Брок И. Моя-по-твоя: русско-норвежский язык-пиджин // Отар: Норвегия и Россия на Севере. 1992. № 192. С. 24–28.
- Булатова 1997 — Булатова Н. Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 42–53.
- Булатова и др. 1997 — Булатова Н. Я., Вахтин Н. Б., Насилов Д. М. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы

- Севера, Сибири и Дальнего Востока: Проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 6–27.
- Вахтин 1993 — Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Европейский Дом, 1993.
- Вахтин 2001 — Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
- Вахтин 2010 — Вахтин Н. Б. Малые языки Российской Федерации: перепись, карта, музей // *Россика. Русистика. Россияведение: Матлы конф. и круглых столов* / Отв. ред. Е. И. Пивовар. М.: РГГУ, 2010. Кн. 1: Язык. История. Культура. С. 75–99.
- Вахтин, Головкин 2004 — Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка: Учеб. пособие. СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2004.
- Вахтин и др. 2004 — Вахтин Н., Головкин Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004.
- Вахтин, Ляльская 2004 — Вахтин Н. Б., Ляльская Е. В. Языковая ситуация и проблемы образования // *Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад* / Отв. ред. В. А. Тишков. Новосибирск: ИЭА СО РАН, 2004. С. 133–148. (Гл. 8).
- Головачев и др. 2011 — Головачев В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О. Тырские стелы XV века = *The Tyr Steles of the XV Century: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов*. СПб.: Наука, 2011.
- Гурвич 1964 — Гурвич И. С. Еще раз к вопросу о переходе малых народностей Севера и Дальнего Востока к социализму // *Вопросы истории КПСС*. 1964. № 9. С. 100–106.
- Гусев 2012 — Гусев В. Ю. О происхождении некоторых элементов говора (русского таймырского пиджина) // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2012. № 1. С. 106–109. <<http://cyberleninka.ru/article/n/o-proishozhdenii-nekotoryh-elementov-govorki-russkogo-taymyrskogo-pidzhina>>.
- Давыдова 2015 — Давыдова Е. Письмена Тыневиля: микроисторический анализ одного изобретения // *Антропологический форум*. 2015. № 26. С. 171–206.
- Красная книга 1994 — *Красная книга языков народов России = Red Book of the Languages of Russia: Энцикл. словарь-справочник*. М.: Academia, 1994.
- Кристал 2001 — Кристал Д. Английский язык как глобальный: Пер. с англ. М.: Весь мир, 2001.
- Кронгауз 1958 — Кронгауз Ф. Ф. К истории школы на Крайнем Севере // *Просвещение на советском Крайнем Севере*. Л.: Учпед-

- гиз, 1958. (В помощь учителю школ Крайнего Севера. Вып. 8). С. 37–47.
- Малов 1951 — Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л.: АН СССР, 1951.
- Перехвальская 2008 — Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб.: Алетейя, 2008.
- Пика, Прохоров 1988 — Пика А. И., Прохоров Б. Б. Большие проблемы малых народов // *Коммунист*. 1988. № 16. С. 76–83
- Сводеш 1960 — Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике*. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 23–52.
- Севильгаев 1972 — Севильгаев Г. Ф. Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л.: Просвещение, 1972.
- Селищев 1968 [1920] — Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // *Селищев А. М. Избранные труды*. М.: Просвещение, 1968. (1-е изд.: Иркутск, 1920). С. 223–389.
- Сергеев 1955 — Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: АН СССР, 1955. (Труды Ин-та этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 27).
- Словарь 1977 — *Словарь русского камчатского наречия* / Сост. К. М. Браславец, Л. В. Шатунова. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ин-т, 1977.
- Соболевский 1892 — Соболевский А. И. Очерк русской диалектологии I. Б: Северо-велико-русское, или окающее поднаречие // *Живая старина*. 1892. Т. 2. Вып. 2. С. 3–26.
- Соколова 1994 — Соколова З. П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // *Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований*. М.: ИАЭ РАН, 1994. С. 16–49.
- СРНГ 17 — *Словарь русских народных говоров*. Л.: Наука, 1981. Вып. 17.
- Старостин 2013 — Старостин Г. С. Лексикостатистика и глоттохронология: 7 фактов о методологии классификации языков // *ПостНаука*. 2013, 1 апр. <<http://postnauka.ru/faq/11053>>.
- Статус 1994 — *Статус малочисленных народов России: Правовые акты и документы*. М.: Юрид. лит., 1994.
- Урманчеева 2010 — Урманчеева А. Ю. Говорка: пример структурно смешанного языка // *Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian* / Ed. by A. Mustajoki, E. Prottassova, N. Vakhtin. Helsinki: Helsinki University Press, 2010. (Slavica Helsinguensia. No. 40). P. 179–198.
- Учебные программы 1926 — *Учебные программы для туземных школ Северной зоны РСФСР*. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР; Гос. изд-во, 1926.

- Учебные программы 1929 — Учебные программы для туземных школ
Северной зоны РСФСР. 2-е изд. М.; Л.: Наркомпрос РСФСР; Гос.
изд-во, 1929.
- Федоров 1982 — Федоров А. И. Русский язык в Сибири // Вопросы
языкознания. 1982. № 2. С. 81–89.
- Хелимский 1987 — Хелимский Е. А. «Русский говорка место казать бу-
дем» (Таймырский пиджин) // Возникновение и функционирова-
ние контактных языков: Мат-лы рабочего совещания. М.: Наука,
1987. С. 84–93.
- Щербак 2001 — Щербак А. М. Тюркская руника: происхождение древ-
нейшей письменности тюрков, границы ее распространения и осо-
бенности использования. СПб.: Наука, 2001.
- Ян Цзе 2007 — Ян Цзе. Забайкальско-маньчжурский препиджин: опыт
социологического исследования // Вопросы языкознания. 2007.
№ 2. С. 67–74.
- Fondahl 1989 — Fondahl G. Native Economy and Northern Development:
Reindeer Husbandry in Transbaikalia: Diss. ... Dr of Philosophy in
Geography / University of California. Berkley, 1989.

Николай Борисович Вахтин

ЯЗЫКИ СИБИРИ И СЕВЕРА

Материалы к учебнику

Оригинал-макет и дизайн обложки *Н. И. Пашиковской*

Подписано в печать 15.10.2015. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. .

Тираж 70 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.
Тел. (812) 622-01-23